

К. В. ИВАНОВ

РОССИЙСКИЕ АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В 1917–1922 гг.

В статье рассмотрены особенности развития российской астрономии в период социальных перемен, связанных с революцией 1917 г. Показывается неоднозначность влияния внешних социальных условий на внутридисциплинарную среду, дается оценка роли повышения мобильности в смене исследовательских приоритетов и индивидуальных академических позиций отдельных специалистов. Предпринимается попытка показать, как индивидуальная реакция ученых в период грандиозных социальных перемен влияет на серьезные институциональные преобразования в науке.

Ключевые слова: астрономия, социальная история науки, Академия наук, Наркомпрос, В. И. Вернадский, А. А. Иванов, В. Т. Тер-Оганезов.

Первая мировая война и последовавшие за ней две революции по-разному отразились на положении российских астрономических организаций. Для тех из них, которые имели прочные позиции при царском режиме, изменения, вызванные революционными преобразованиями, создали ряд значительных организационных сложностей. Те, которые имели слабую правительственную поддержку, строительство нового государственного порядка часто воспринимали как шанс на упрочение собственных позиций. Это наблюдение подтверждается материалами, содержащимися в заявлениях, дневниках, экспертных оценках, исторических справках научных специалистов той поры, а также письмах, которыми они обменивались с правительством и друг с другом.

В целом период революционных преобразований можно разделить на два качественно отличных друг от друга этапа. На первом ослабевшие и потерявшие былой авторитет крупные имперские организации еще не установили прочных контактов с новым правительством и в силу этого выражали негативное отношение к новой власти; на втором – после переговоров с правительством, сопровождавшихся жестами поддержки и политическими заверениями в самом пристальном внимании государства к развитию науки – руководители крупных научных учреждений практически полностью перешли на сторону большевиков и восстановили дореволюционный *status quo*.

Соответственно, для организаций, не вписывающихся в имперский административный стандарт, эти этапы имели обратную полярность. Вдохновленные кардинальными революционными преобразованиями, молодые научные учреждения сначала довольно успешно конкурировали со «старыми» организациями. Однако по мере того как «старые» организации возвращали былой авторитет, дальнейший рост влияния молодых учреждений мог быть замет-

ным только в том случае, если они начинали претендовать на включение в сеть официальных научных учреждений, в которой доминирующие позиции уже принадлежали «старым» научным коллективам.

В связи с этим не выглядит неожиданным то, что на первом этапе наиболее признанные и хорошо обеспеченные специалисты, занимающие высокие ступени в дореволюционной научной иерархии, были склонны относиться к изменениям, которые принесла с собой революция, как к катастрофе, в то время как рядовые служащие научных учреждений, чаще всего были менее радикальны в своих оценках и зачастую прямо поддерживали большевиков. Например, рядовой астроном Московской университетской обсерватории С. А. Казаков, получивший вскоре после большевистского переворота пост секретаря Всероссийской ассоциации астрономов, был лоялен к советской власти и считал, что если в прежние годы русским обсерваториям с большим трудом удавалось получать от Министерства народного просвещения скудные средства для научной работы, то в настоящее время новое советское правительство «без сомнения найдет возможным прийти на помощь любой обсерватории»¹. Аналогично астроном обсерватории Петроградского университета А. А. Иванов, находящийся до 1917 г. в тени славы С. П. Глазенапа², только после революции получил доступ к высоким административным постам – директора Пулковской обсерватории и председателя Всероссийского астрономического союза.

В качестве примеров обратного порядка можно привести следующие. В 1920 г. известный русский физиолог, академик и нобелевский лауреат И. П. Павлов направил наркому просвещения А. В. Луначарскому письмо, в котором выражал мнение, что он, «как стародавний экспериментатор жизни, хотя и примитивной»³, глубоко убежден, что проделываемый над Россией социальный эксперимент «обречен на непременную неудачу»⁴. Павлов просил отпустить его за границу, чтобы там, вдали, избавиться от этого угнетающего чувства, мешающего ему заниматься научной работой. Аналогично непременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург на собрании академии, состоявшемся сразу же после большевистского переворота, в декабре 1917 г., произнес следующие слова:

Русский народ не выдержал великого исторического испытания и не устоял в великой мировой борьбе. Темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний и Россия стала на край гибели⁵.

¹ Казаков С. А. Отзыв о записке Казанской инициативной группы от 29 июля 1920 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 285. Л. 9.

² Об этом есть прямое свидетельство В. В. Стратонова: «Отслуживший уже все сроки другой профессор астрономии Петроградского университета С. П. Глазенап должен был бы уступить А. А. Иванову директорство в университетской обсерватории. Но, пользуясь своими бюрократическими связями, Глазенап неправильно сохранял за собой директорский пост. А. А. благоразумно не стал бороться, внешне как будто смирился и ждал» (Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания [рукопись]. Ч. III // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 669. Л. 94 об.).

³ Павлов И. П. Письмо Луначарскому // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1172. Л. 31.

⁴ Там же.

⁵ Отчет о деятельности Российской академии наук за 1917 г. Пг., 1917. С. 5.

Прошло несколько лет, и многие исследователи, откровенно искавшие внимания власти к себе, вскоре подверглись опале. Некоторые из них были вынуждены покинуть страну. Упоминание их имен в печати влекло серьезные политические обвинения. А Павлов, несмотря на свой довольно жесткий протест, остался в России и впоследствии был даже причислен к числу «отцов-основателей» советской науки. В его распоряжение был предоставлен отдельный институт – Биологическая станция в селе Колтуши под Ленинградом⁶. Ольденбургу тоже понадобился всего год, чтобы пересмотреть свое отношение к новой власти. На следующем годовом собрании академии в конце 1918 г. он выступил с речью, в которой говорилось:

В наши трудные и сложные дни многие склонны падать духом и не понимать тех величайших переворотов, которые совершаются во всех странах, у всех народов, переворотов глубоко болезненных, но тем не менее великих и замечательных. И многим из нас – людям науки, начинает казаться, что наука гибнет от непонимания и невнимания к ней. Опасения эти напрасны...⁷

Полемика для формирования нового *status quo* стали застарелые межведомственные конфликты, актуализировавшиеся сразу же после того как большевистские лидеры обжились в министерствах, переименованных ими в комиссариаты. Министерства сохранили документацию по спорным вопросам и прежний, осведомленный об этих проблемах технический персонал. Для возобновления конфликта достаточно было малейшего изменения баланса, сложившегося при царском режиме. Ниже мы рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих социальные трансформации, позволившие адаптировать дореволюционные формы организации астрономических исследований к новому политическому режиму.

Геодетические исследования и картография

В силу ряда исторических причин картография оказалась сферой деятельности, в которой переплелись интересы нескольких влиятельных политических групп⁸. Военные видели в ней не только техническое средство, необходимое для успешного ведения боевых действий, но и важный инструмент карьерного роста и усиления политического влияния своего ведомства. Академия наук и главным образом Пулковская обсерватория, возникшая как методический центр, который должен был курировать ведение геодетических и топографических работ, использовали демонстрацию своей компетенции в области геодезии для отстаивания прав на институциональную автономию и интеллектуальный престиж. Постепенное размежевание научных институтов академии и подразделений военных топографов привело к тому, что геодетические

⁶ Kremensov, N. *Stalinist Science*. Princeton, 1997. P. 99.

⁷ Отчет о деятельности Российской академии наук за 1918 г. Пг., 1919. С. 16.

⁸ См. подробный анализ этого вопроса в нашей работе: Иванов К. В. На службе империи: астрономические институты в эпоху абсолютизма // ВИЕТ. 2008. № 3. С. 81–106.

мероприятия утратили характер планомерных систематических операций и разделились, с одной стороны, на чисто научные, которыми заведовало Пулковско, с другой – на предназначенные для удовлетворения военных нужд. В результате часть гражданских ведомств, нуждающихся в изготовлении карт как по юридическим, так и по прикладным причинам, стали проводить топографические съемки без согласования с центральными инстанциями. Такая несогласованность порождала множество территориальных конфликтов, вызываемых пестротой и несогласованностью карт, изготовленных различными исполнителями.

В мирное время могущественное военное ведомство легко парировало претензии к качеству производимых в России топографических мероприятий и старательно охраняло свой статус центра управления топографическими и геодезическими исследованиями. Но как только начинались военные действия, другие причастные к картографии российские организации немедленно обнаруживали свои претензии к сложившемуся *status quo*. Ведущую роль в этих спорадических административных атаках играли Пулковская обсерватория и Академия наук в целом. Например, после последней Русско-турецкой войны при Русском географическом обществе по инициативе Академии наук было созвано междуправительственное совещание по координации географических работ. Его результатом стал неосуществленный проект организации при Пулковской обсерватории особого Геодезического института. Во время Первой мировой войны Академия наук опять выступила с инициативой созыва межведомственного совещания по вопросу о создании института. Совещание, вопреки надеждам академического руководства, приняло решение сосредоточить все функции предполагаемого геодезического института в военном ведомстве. Однако на следующий год академик В. И. Вернадский выступил с докладом на общем собрании Академии наук и предложил проект создания междуправительственного Астрономо-геодезического института⁹. В целом до 1917 г. этот вопрос продолжал оставаться нерешенным, что заставляет видеть в нем не столько проблему, сколько механизм, посредством которого различные спорящие стороны могли добиваться признания со стороны, во-первых, государственной администрации, во-вторых – групп специалистов, способных оценить компетентность предлагаемых решений.

В годы революции по вполне объяснимым причинам первым ведомством, которое попыталось возобновить дискуссию о проблемах российской картографии, оказался Комиссариат земледелия, занимающийся в это время законом о социализации земли и разработкой инструкций по установлению потребительских норм землепользования. Принимая во внимание политическую важность вопроса и не находя консенсуса во взглядах на то, какую инстанцию в деле картографирования следует считать центральной, Комиссариат земледелия выступил с более широкой инициативой, чем можно было ожидать от ведомства, занятого решением практических задач. В июне 1918 г. от комиссариата поступило предложение создать Российский центральный

⁹ Центральный астрономо-геодезический институт // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 185. Л. 2–4.

астрономо-геодезический институт. Автором проекта стал ассистент Горного института Н. И. Эрасси. По его мнению, в основу деятельности института

должен быть положен принцип научной централизации, которым должно быть достигнуто возможно полное объединение всех землемерных работ всех ведомств центральной советской власти и согласование их с системой международных астрономических и геодезических работ¹⁰.

Академия наук немедленно ответила на это вторжение в сферу ее компетенции ведомства, не игравшего ранее ведущей роли в решении картографических вопросов. Уже в августе того же года ее представители обратились в Совнарком и заинтересованные комиссариаты (включая Комиссариат земледелия) с предложением возобновить деятельность межведомственного совещания при академии с целью «составления в возможно короткий срок проекта соответствующего учреждения»¹¹. Это предложение поддержало и военно-топографическое ведомство в лице ее руководителя – генерала А. И. Аузана. Решение созванного вскоре совещания не было неожиданным ни для одной из участвующих сторон. После нескольких заседаний, на которых академию представлял Вернадский, а Военно-топографический отдел – Аузан, в качестве общей рекомендации было принято «при составлении общего плана работ [института] выделить из них работы общегосударственного характера и работы специальные»¹².

Совещание явно делало ставку на то, что Совнарком поддержит эту инициативу, и картографические службы вскоре воспроизведут ситуацию второй половины XIX в. То есть функции непосредственного руководства картографическими работами будут переданы военно-топографическому ведомству, а Академия наук ограничится методическими рекомендациями и спорадической критикой в адрес военных служб.

По большому счету эта ситуация устраивала всех, и менять ее было невыгодно ни той, ни другой стороне. При такой расстановке сил каждое ведомство получало свою долю авторитета, признания и властных полномочий. Собственно, эта схема и была воспроизведена впоследствии, в послевоенные годы. Однако в первые годы революции Совнарком пошел по другому пути. 15 марта 1919 г. был обнародован декрет об учреждении при ВСНХ Высшего геодезического управления (ВГУ), соединившего в себе как административные, так и практические функции по управлению геодезическими и топографическими работами¹³.

Эта авторитарная мера вызвала множество нареканий в кругу специалистов, привыкших играть ключевую роль в организации топографических и

¹⁰ Проект декрета СНК «Об учреждении Российского центрального астрономо-геодезического института» // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 185. Л. 5; Проект «Положения о реорганизации [в] ведомственных (так в тексте. – К. И.) внутренних органов // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 185. Л. 14–14 об.

¹¹ Центральный астрономо-геодезический институт... Л. 3 об.

¹² Протокол заседания междоветственной комиссии по объединению топографических работ от 31/VIII – 18 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 185. Л. 4.

¹³ Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925). Сборник архивных документов. Отв. ред. К. В. Островитянов. Л., 1968. С. 264.

геодезических мероприятий и давать оценку их качества. В отзыве на проект положения о Высшем геодезическом управлении директор Пулковской обсерватории А. А. Иванов писал:

Классический конец каждой главы (положения. – *К. И.*): «в отделе состоит секретарь и канцелярия», – наводит на мысль, что эта часть станет его главной деятельностью и поглотит все остальное [...] Это классическое, как уже отмечено, окончание глав может несколько даже успокоить разбирающего проект, ибо, как известно, «суждены нам благие порывы» и если они сведутся к старательному наблюдению за прохождением бумаг, подсчету входящих и исходящих, то беда пожалуй еще не так велика. Однако плохо будет, если пользуясь неясностями Положения В. Г. У. начнет развивать свои наступательные действия на другие ведомства ¹⁴.

И далее:

Итак, заканчивая отзыв, надо сказать, что широта заданий В. Г. У., а также крайне своеобразное сведение воедино и производства работ самим В. Г. У. и собирания и обработки результатов грозит привести к созданию такого управления, которое будет лишь тормозить развитие геодезической деятельности в России, а не того всеми желаемого, высоко компетентного учреждения, которое действительно бы содействовало своим авторитетом и строгой определенностью поставленных целей улучшению этого дела на Руси и о создании которого уже давно идут хлопоты в заинтересованных учреждениях и ведомствах ¹⁵.

Непосредственное вторжение Совнаркома в сферу компетенции традиционных геодезических служб нарушило равновесие в отношениях между правительственными подразделениями, военным ведомством и научными учреждениями. Ответом на это откровенное пренебрежение мнением авторитетных дореволюционных специалистов стала консолидация служб, которые до революции находились в более или менее жестком соперничестве друг с другом – астрономов во главе с Пулковской обсерваторией и военных топографов во главе с Военно-топографическим отделом Генерального штаба. Административным посредником в этом объединении стал Народный комиссариат просвещения.

У Наркомпроса были свои интересы в этом деле. В отличие от промышленных министерств и Высшего совета народного хозяйства, занимающегося реквизицией государственных банков, Наркомпрос не был ни богатым, ни влиятельным ведомством. Кроме того, если в отношении банков, промышленности и сельского хозяйства перед советскими руководителями стояла задача ассимиляции прежних предприятий и создания условий для их работы в условиях нового политического режима, то позиция НКП по отношению культурным ценностям, выработанным при царизме, должна была если не во всем, то во многом основываться на отрицании. Отсутствие определенных за-

¹⁴ *Иванов А. А.* Отзыв о проекте Положения о ВГУ, составленный комиссией по учреждению АГИ в Петрограде // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 185. Л. 160–161 (см. л. 160 об.).

¹⁵ Там же. Л. 161.

дач и прочных фондов давало повод другим партийным и правительственным работникам смотреть на Наркомпрос как на наименее престижный комиссариат. По остроумному наблюдению Ш. Фитцпатрик Наркомпрос стал «женским отделом» Центрального комитета ВКП(б) – местом трудоустройства жен и сестер ведущих советских политиков¹⁶. Это делало сотрудников Наркомпроса более сговорчивыми в вопросах поддержки научных проектов, которые почти не имели шансов на реализацию в других ведомствах. То, что Академия наук оказалась в положении «отвергнутого», давало шанс Наркомпросу, с одной стороны, заручиться поддержкой академии, с другой – поднять собственный престиж среди других советских комиссариатов.

Сразу же после выхода декрета об учреждении Высшего геодезического управления в Научном отделе Наркомпроса состоялось межведомственное совещание по вопросу о ВГУ¹⁷. Осталось не вполне ясным, кто был непосредственным его инициатором, но есть несколько косвенных свидетельств, что первое предложение поступило от неперменного секретаря академии Ольденбурга. Наркомпрос не мог упустить такой возможности. На совещании, помимо работников этого комиссариата во главе с молодым коммунистом В. Т. Тер-Оганезовым¹⁸, присутствовали представители еще пяти ведомств – Военного комиссариата (А. И. Аузан и Я. И. Алексеев), Главного гидрографического управления (Мессер), Главного управления воздушного флота (Яцук), Высшего совета народного хозяйства (Горбунов и Гончаров) и Комиссариата земледелия (П. Н. Долгов)¹⁹ (имена указаны как в протоколе).

Совещание началось с настоятельной просьбы Аузана «разъяснить происхождение»²⁰. Очевидно, он хотел привлечь внимание совещания к тому, что создание в России нового геодезического учреждения не могло состояться без предварительного обсуждения его проекта в кругу, с одной стороны, академических геодезистов, с другой – представителей военно-топографического ведомства. Однако Горбунов и Гончаров, представлявшие ВГУ, не принимая во внимание долгой традиции, апеллировали исключительно к юридической чистоте решения – «декрет был подписан в СНК»²¹. Представители остальных ведомств решительно поддержали Аузана и приняли резолюцию, нацеленную на то, чтобы частично восстановить влияние военных геодезистов и академии. Она гласила:

Совещание находит, что во главе Главного геодезического управления желательно образование совета из представителей науки и заинтересованных ведомств с функциями исполняющего органа; этому совету должно быть предоставлено избрание членов коллегии – органа управляющего, причем члены коллегии должны утверждаться Советом народных комиссаров²².

¹⁶ В первые годы в НКП работали жены Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Дзержинского, Кржижановского и Бонч-Бруевича, а также сестра Ленина Анна Елизарова и две сестры Менжинского (*Fitzpatrick, Sh. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921. Cambridge, 1970. P. 19*).

¹⁷ Протокол междуведомственного совещания по вопросу ВГУ от 28 марта 1919 г. // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 185. Л. 35–37.

¹⁸ См. о нем далее.

¹⁹ Протокол междуведомственного совещания по вопросу ВГУ...

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

Категорические возражения представителей ВГУ – Горбунова и Гончарова – подкрепленные, по всей видимости, лоббистскими возможностями влиятельных чиновников из ВСНХ, не дали развернуться этому предложению в полноценную инициативу. В положение о ВГУ не было внесено никаких изменений. Тогда консолидированные благодаря совещанию в Наркомпросе специалисты выбрали другую стратегию. В противовес ВГУ они решили создать собственный геодезический институт, альтернативный по представительству существующему при ВСНХ Высшему геодезическому управлению. Первоначальной целью проекта было высказанное на совещании 19 апреля 1919 г. стремление создать учреждение, «авторитетность которого должна будет впоследствии отразиться на судьбе ВГУ»²³. Последующими шестью совещаниями (23, 25, 30 апреля и 7, 15 и 21 мая 1919 г.) был выработан проект декрета об учреждении Российского астрономо-геодезического института (РАГИ). Над его составлением работали ректор 1-го Петроградского университета, астроном (впоследствии ставший директором Пулковской обсерватории) А. А. Иванов, профессор геодезического факультета Военно-инженерной академии Д. Д. Сергиевский, председатель Русского географического общества Ю. М. Шокальский и другие астрономы и геодезисты²⁴. Реакция представителей ВГУ была относительно сдержанной. Общая логика комментариев по поводу предполагаемого института сводилась к тому, что ВГУ, якобы, намерено объединить только хозяйственные работы, а РАГИ пусть занимается решением научных задач. После этого официальные отзывы о ВГУ, звучавшие со стороны основателей РАГИ, стали менее агрессивными и в целом позитивными.

Таким образом, в первые же революционные годы в советской картографии была воспроизведена оппозиция, свойственная этому типу деятельности до революции. Один полюс централизации картографических работ обозначился в сфере администрирования сугубо практических мероприятий, другой – в области компетентных оценок со стороны элитных научных подразделений. Личный состав сложившихся геодезических служб отличался от дореволюционного: военные геодезисты, игравшие ранее роль административных представителей центра на удаленных от столиц территориях, были замещены представителями уже не царской, но советской администрации. Однако структурная организация этих мероприятий осталась прежней. Более того, с каждым следующим годом она приобретала все больше и больше сходств с дореволюционным типом организации геодезических и картографических исследований.

Этот сюжет хорошо иллюстрирует то, каким образом устойчивые социальные оппозиции, существовавшие в дореволюционной России, начинали ощутимо влиять на процедуру принятия решений в, казалось бы, радикально измененной большевистским переворотом деятельности советских правительственных служб. В частности, в организации геодезических исследований революция не обозначила сколько-нибудь существенного разрыва. Скорее, она сыграла роль модулирующего фактора. Политические взаимодействия 1918–1920 гг. очень быстро воспроизвели расстановку сил по политическим интересам среди учреждений, причастных к геодезии и картографии.

²³ Организация науки в первые годы советской власти... С. 264.

²⁴ Там же. С. 265.

Университетские обсерватории

Тем не менее революция ослабила социальные ограничения, существовавшие в профессиональной российской науке начала XX в., в том числе в астрономии. Это обнажило наиболее острые противоречия в отношениях между научными организациями и создало предпосылки для борьбы научных подразделений второго ряда за новую статусную идентичность. В предыдущих работах мы уже писали о том, что непосредственно перед началом революции университетские обсерватории стали претендовать на роль самостоятельных научных центров, а их директора стали предпринимать попытки преодолеть статус «учебно-вспомогательных» подразделений, навязываемый обсерваториям министерствами и правлениями вузов²⁵. Главным противником университетских астрономов в этой реформе были правления университетов. Обычно в союзе с ними выступали советы физико-математических факультетов, не желающие создавать прецедента отделения от факультета его «вспомогательных служб». Показателен в этом случае пример Энгельгардтовской обсерватории, созданной при Казанском университете.

Основой Энгельгардтовской (или загородной Казанской) обсерватории послужила основанная в Дрездене в 1877–1879 гг. В. П. Энгельгардтом частная обсерватория, считавшаяся одной из лучших в Европе²⁶. Еще при жизни Энгельгардт пожертвовал Казанскому университету инструменты обсерватории, а впоследствии завещал на ее содержание и большую часть своего состояния (около 200 000 руб. золотом²⁷), как он выразился, «своему народу, на пользу общую»²⁸. Новая обсерватория была открыта в 1901 г. в 18 верстах от Казани при станции Обсерватория Московско-Казанской железной дороги.

²⁵ См., например, статью: *Иванов К. В.* Университетские обсерватории в России 1920-х гг. // Историко-астрономические исследования. 2003. Вып. 28. С. 103–119.

²⁶ *Идлис Г. М.* Астрономия // Развитие естествознания в России (XVIII – начало XX века) / Ред. С. Р. Микулинский, А. П. Юшкевич. М., 1977. С. 330. Об оснащении обсерватории см. в статье: *Чудовичева Н. А.* Астрономические работы В. П. Энгельгардта // Историко-астрономические исследования. 1958. Вып. 4. С. 453–465. О самом Энгельгардте: *Нефедьев А. А.* Василий Павлович Энгельгардт // Ученые записки Казанского государственного университета. 1951. Т. 111. Кн. 9. С. 27–37; о научной деятельности Энгельгардта: *Корытников С. Н.* Возникновение русской астрономической обсерватории В. П. Энгельгардта в Дрездене // Астрономический журнал. 1954. Т. 31. Вып. 6. С. 558–566.

²⁷ Упоминание об этой сумме можно найти в отчете С. А. Казкова о проведении третьего астрономического съезда, в котором говорилось: «Заслушав доклад директора Энгельгардтовской астрономической обсерватории проф. М. А. Грачева о постановлении Наркомпроса от 5 и 10 мая 1923 г. об отказе в возвращении капитала около 200 000 рублей золотом, пожертвованного В. П. Энгельгардтом на дальнейшее развитие обсерватории и реквизируемого на общих основаниях, отмечая большое научное значение Энгельгардтовской обсерватории и необходимость всяческой ее поддержки, 3-й Съезд Ассоциации астрономов СССР присоединяется к ходатайству Энгельгардтовской астрономической обсерватории о выдаче ежегодной субсидии ей на научные потребности дополнительно к общеуниверситетским кредитам» (*Казаков С. А.* 3-й съезд Всероссийского астрономического союза (Ассоциация астрономов СССР), 25–29 сентября 1924 года // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 176. Л. 28–32 об. См.: Л. 31 об.–32).

²⁸ *Дубяго Д. И.* Письмо В. Т. Тер-Оганезову от 1 августа 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 285. Л. 22–22 об.

В 1905 г. директором этой обсерватории стал Д. И. Дубяго, выходец из Пулковской обсерватории, который до этого был ректором Казанского университета. Примечательно, что, будучи ректором, Дубяго никак не проявлял своего стремления превратить обсерваторию в самостоятельное научное подразделение. Однако сразу же после смещения с этого поста и назначения на должность директора обсерватории он стал энергично бороться за ее отделение. С 1906 г. он ходатайствовал перед Министерством народного просвещения об утверждении нового, более многочисленного штата, «имея в виду [...] создать для нее положение самостоятельного и широкого астрономического института, наподобие Пулковской обсерватории»²⁹, но так и не получил на это разрешения.

В 1918 г. Дубяго, надеясь на то, что новая власть окажется более сговорчивой в вопросах, связанных с этой реформой, возобновил свои попытки отделить обсерваторию. В августе этого года он написал письмо в научный отдел Наркомпроса с подробным изложением истории возникновения Энгельгардтовской обсерватории и обоснованием необходимости отделения ее от Казанского университета. Дубяго сообщал, что «в апреле этого года университет представил свой проект нового штата в Москву, через особую делегацию»³⁰. Он писал:

Мне не известна судьба, постигшая это последнее ходатайство университета. В настоящее время в университетах предстоит рассмотрение нового университетского устава. Я опасаюсь, что если представленный в комиссариат штат Энгельгардтовской обсерватории не будет утвержден, она может попасть в число учебно-вспомогательных учреждений Казанского университета и *потерять свой исключительно научный характер* (курсив мой. – К. И.) [...] Прошу [...] оказать Ваше содействие к тому, чтобы создать Энгельгардтовской астрономической обсерватории положение самостоятельного научного астрономического института (подобно Пулковской обсерватории), подчиненного непосредственно Комиссариату народного просвещения, а не составляющего часть Казанского университета, и утвердить для нее новый штат³¹.

Хотя капитал, оставленный Энгельгардтом, был реквизирован во время революции вместе с другими частными вкладами, его номинальное присутствие в качестве «долга» большевистского правительства обсерватории могло послужить косвенным аргументом в пользу того, чтобы пойти навстречу инициативе Дубяго. В просьбе последнего читалось стремление вернуть эти деньги и направить их на развитие Энгельгардтовской обсерватории как самостоятельного института.

Деньги возвращены не были. Дубяго вскоре скончался, так и не получив ответа. Однако через год бывший астроном обсерватории Петроградского университета, а в описываемое время председатель Всероссийского астрономического союза А. А. Иванов продолжил хлопоты по ходатайству казанского астронома³².

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² О сотрудничестве Пулковской и Энгельгардтовской обсерваторий см. в статье: Корытников С. Н. С. К. Костинский и Энгельгардтовская обсерватория // Историко-астрономические исследования. 1957. Вып. 3. С. 531–540.

В августе 1919 г. он направил в недавно организовавшийся Государственный ученый совет (ГУС) докладную записку следующего содержания:

Так как научная польза такого выделения Энгельгардтовской обсерватории в самостоятельное учреждение несомненна, то только внешними обстоятельствами ничего общего с обсерваторией не имеющими, можно объяснить, почему это дело временно заглохло ³³.

Он продолжал:

Едва ли надо доказывать, что только при самостоятельном существовании Энгельгардтовской обсерватории возможно в настоящее время обеспечить бюджет, достаточный для правильного функционирования обсерватории в научном отношении, тогда как при зависимости Энгельгардтовской обсерватории от Казанского университета слишком трудно ставить ее в иные условия, чем другие учебно-вспомогательные учреждения университета ³⁴.

Здесь, как и в случае с геодезическими исследованиями, процессы, которые структурировали восприятие сотрудниками советского ведомства (в данном случае – Наркомпроса) существо стоящих перед ними задач, заключались в переносе дореволюционной ситуации в новую политическую обстановку без какого-либо значимого изменения модели конфликта. Не обладая достаточной информацией для принятия компетентного решения, сотрудники Наркомпроса послали физико-математическому факультету запрос о целесообразности такого отделения обсерватории. То есть в этом случае (как и во многих других) Наркомпрос проявил отнюдь не революционную решимость, а, наоборот, стремление ориентироваться на уже сложившиеся социальные модели.

Понятно, что руководство факультета заведомо не могло согласиться с предложением отделить обсерваторию. В заключении физико-математического факультета говорилось:

Казанский университет не отличается богатством и почти единственной более благоприятно обставленной для научных работ является кафедра астрономии и геодезии именно благодаря Энгельгардтовской обсерватории.

Отказ физико-математического факультета от Энгельгардтовской обсерватории обрек бы кафедру астрономии на исключительно преподавательскую (а в области научной: на теоретическую) деятельность ввиду того что в Казанской (студенческой) обсерватории нет возможности производить сколько-нибудь серьезные наблюдения из-за ее положения в центре большого города ³⁵.

³³ Иванов А. А. Докладная записка «По вопросу об отделении Энгельгардтовской астрономической обсерватории Казанского университета». Август 1919 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 285. Л. 5–5 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Заключение физико-математического факультета по вопросу об отделении Энгельгардтовской астрономической обсерватории от Казанского университета от 24 июня 1921 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 285. Л. 20–21.

Из заключения видно, что представители физико-математического факультета использовали в своем ответе риторiku, понятную для большевистского руководства, – негативное отношение большевиков к чисто теоретической научной деятельности. Тем не менее эта риторика обслуживала ту же оппозицию, которая существовала до революции.

К тому времени руководство обсерватории сменилось, и новый директор также склонился к тому, что обсерваторию было бы лучше все же оставить при университете. Правда, он аргументировал свое решение другими соображениями – невозможностью в ближайшее время обеспечить новую обсерваторию достаточным количеством специалистов.

Для процветания Энгельгардтовской обсерватории необходимо расширение личного состава, чтобы находящиеся на обсерватории астрономические инструменты были использованы полностью. К сожалению, пополнение научного персонала при современных условиях трудно осуществимо [...] Безрезультатные конкурсы и пустующие места младших преподавателей и ассистентов во всех университетах с очевидностью показывают, что пополнить личный состав Энгельгардтовской обсерватории нечем [...] Опыт показал, что даже крупнейшее астрономическое учреждение России – Пулковская обсерватория до сих пор не могла организовать института для подготовки молодых астрономов внутри нея [...] Напротив, необходимо еще большее единение Энгельгардтовской обсерватории с университетом, необходимо в настоящее время привлечение всех научных работников обсерватории к научно-педагогической работе в университете, дабы в этом источнике найти и привлечь к практической работе юных астрономов ³⁶.

Резюмируя, следует сказать, что правления провинциальных университетов опасались, что отделение обсерваторий может негативно сказаться на престиже учебных заведений, и не стремились предоставить им свободу. Аналогичное нежелание университета отдавать обсерваторию проявилось в 1920–1922 гг. в Ташкенте – в споре между организационным комитетом ГРАФО (Главной Российской астрофизической обсерватории) и Туркестанским университетом ³⁷. Нехватка специалистов тоже, похоже, была провинциальным эффектом. Надо сказать, что формировавшийся в описываемое время комитет ГРАФО в Москве сумел за довольно короткий срок набрать около 20 специалистов-астрономов. Не только астрономы, но и все представители так называемых «редких профессий» устремились в это время в столицу, где можно было с большей гарантией обеспечить себя работой. Энгельгардтовская обсерватория так и осталась при университете. Наркомпрос в первые годы своего существования обладал слишком малым опытом для того, чтобы быть компетентным судьей в таких спорах. Этот опыт был приобретен им только к середине 1920-х гг., после долгого периода борьбы за политическое влияние как среди представителей научных и учебных заведений, так и среди своих партийных коллег. Однако к этому времени его позиции были уже серьезно ослаблены.

³⁶ Грачев М., Дюков И. Письмо в совет Казанского государственного университета от 25 мая 1921 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 285. Л. 26–27 об.

³⁷ См. третью и четвертую главы книги: Иванов К. В. Небо в земном отражении. История астрономия в России в XIX – начале XX века. М., 2008.

Инициативы в области создания новых организаций

Наряду с ассимиляцией дореволюционных моделей организации научной работы советские ведомства выступили с рядом действительно революционных инициатив. Однако и здесь в большинстве случаев авторами новаций стали те представители советских ведомств, которые обладали малым административным весом во времена империи. Советские комиссариаты не были лишены фракционности, и молодые советские новаторы, как правило, довольно быстро теряли авторитет в кругу своих более опытных и ориентированных на восстановление привычного *status quo* коммунистических коллег. В качестве примера рассмотрим деятельность одного из таких новаторов – В. Т. Тер-Оганезова³⁸.

Он не был представителем официального научного истеблишмента. Шанс начать научную карьеру ему представился после того, как он был оставлен для подготовки к профессорскому званию при физико-математическом отделении естественно-научного факультета Петроградского университета. Его первым учителем и научным руководителем стал профессор А. А. Иванов³⁹. Однако от стандартной научной карьеры его отвлекло участие в большевистском революционном движении. Время от времени Тер-Оганезов делал попытки вернуться к научной работе, однако ни одна из них не была доведена им до конца. После Октябрьской революции он, неожиданно для знавших его ранее только с научной стороны старших коллег-астрономов, занял руководящий пост в государственном ведомстве, одной из функций которого по первоначальному замыслу должно было стать курирование научных учреждений.

С самого начала политика Тер-Оганезова была нацелена не столько на ассимиляцию существовавших научных учреждений новым режимом, сколько на создание альтернативных научных представительств, кардинально отличающихся от существовавших при царе. Войдя в Государственную комиссию по просвещению, главной целью которой являлось формирование стратегии реформы образования и организации научных исследований, Тер-Оганезов

³⁸ В личном архиве В. А. Бронштэна имелась рукопись историко-публицистического очерка «Профессор В. Т. Тер-Оганезов и его влияние на развитие советской астрономии», с которой мы имели возможность ознакомиться и выписать некоторые фрагменты. После смерти автора местонахождение рукописи не установлено.

³⁹ Бронштэн считал таковым Глазенапа (*Бронштэн. Профессор В. Т. Тер-Оганезов...*). Однако в воспоминаниях Стратонова однозначно указано на А. А. Иванова: «Впоследствии А. А. Иванов рассказал мне его историю.

Тер-Оганезов окончил физико-математический факультет в Петрограде и хорошо сдал экзамены. Его Иванов оставил при университете стипендиатом по кафедре астрономии. Но после этого он перестал заниматься, уклонился от представления какого-либо отчета о своих работах в качестве стипендиата, почему и был исключен из списка оставленных при университете.

Осенью 1917 года он явился к Иванову с повинной, прося восстановить его в положении оставленного при университете. Иванов снисходительно пошел ему навстречу и обещал, если Тер-Оганезов представит какую-либо работу, восстановить его в положении университетского стипендиата.

Никакой работы он не представил; но... вслед за тем произошел большевистский переворот, и Тер-Оганезов оказался во главе всех ученых учреждений России» (*Стратонов. По волнам жизни. Ч. III... С. 177*).

возглавил так называемый Научный отдел Наркомпроса – подразделение, созданное для того, чтобы курировать работу российских научных организаций.

Комиссия начала свою работу с категорических рекомендаций по реформе системы образования и научных учреждений:

Университет разделяется на две секции: 1) секция научная, в которую принимаются люди, интересующиеся наукой; лекционная система отменяется, занятия идут под руководством преподавателей путем лабораторных занятий в естественных науках и семинариев в других науках; 2) секция практическая, главная задача которой подготовка практических деятелей. Преподавание ведется лекционным путем с осуществлением большего контроля над занятиями слушателей. Контингент слушателей подбирается из лиц, имеющих соответствующий стаж. В университет имеют также право входа лица без образовательного стажа, но как вольнослушатели, имеющие, однако, возможность, с течением времени обратиться в действительных слушателей ⁴⁰;

дипломы по окончании университетов отменяются, их должна заменить особая испытательная комиссия, через которую должен пройти каждый слушатель ⁴¹;

преподавательский персонал пополняется при строгом обсуждении всех кандидатур специалистами всех российских университетов; учащейся же молодежи предоставляется право отвода нежелательных профессоров ⁴²;

конкурс при поступлении в высшие учебные заведения должен быть совершенно упразднен, т. к. он дает возможность спокойно поступать буржуазии в университет и делает его недоступным для пролетариата ⁴³; аттестаты зрелости заменяются [...] однолетним стажем, который выясняет работоспособность слушателя. Латинский язык является излишним ввиду того, что римское право не будет преподаваться; для медицины же требуется определенная терминология, для которой не требуется длительного изучения латинского языка, а лишь несколько месяцев подготовки ⁴⁴ и т. д.

Сложно было ожидать безболезненного воплощения в жизнь этих революционных начинаний. До 1917 г. система образования курировалась не только Министерством просвещения, но и другими ведомствами, заинтересованными в приобретении необходимых специалистов. Кроме того, вопрос об организации высшего образования был одной из болезненных тем дореволюционной России. Еще не остыли дискуссии, возникшие при попытках основать Народный университет им. Л. А. Шанявского и общество Х. С. Леденцова. Поэтому сразу же после начала реформы Наркомпрос столкнулся с сопро-

⁴⁰ Протокол 14-го заседания Государственной комиссии по просвещению от 20 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 135. Л. 129 об.

⁴¹ Там же. Л. 129.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

тивлением «старых» специалистов, постепенно обзаводившихся союзниками в новом большевистском правительстве. Член комиссии Познер отмечал на одном из последующих заседаний:

Политика отдельных ведомств имеет существенное значение, т. к. служит отражением борьбы различных групп людей. Каждое ведомство имеет свою политику, на что указывает и настоящее совещание и положение дел. Школы многих ведомств, не принявших декретов Комиссар. нар. просвещ., напр., о перевыборности народных преподавателей, об автономии школ, об отделении церкви от государства и согласно этому отменения преподавания Закона Божия, служат прибежищем для саботирующих элементов. Такое положение вещей, являющееся результатом попустительства центр. ведомства, указывает на всю важность политики отдельных ведомств ⁴⁵.

Инициаторы реформ в сфере высшего образования действовали радикально. Что видно, в частности, по цитированным выше рекомендациям, с которыми были согласны практически все члены Комиссии по просвещению. Однако даже они настороженно отнеслись к предложениям, поступившим со стороны Тер-Оганезова. Он предлагал кардинальным образом поменять существующую в России систему организации науки. В своем докладе на комиссии, посвященном главным направлениям реформы, он говорил:

Главнейшая задача Научного отдела – это подготовка кадров новых ученых. Школа, подготовляющая ученых, пережила несколько стадий: первая стадия – школа древняя, когда ученый имел замкнутый круг учеников. Вторая стадия – университетская, когда ученая деятельность связывалась с профессурой. Теперь наступила новая, третья стадия и центр тяжести – подготовка ученых сил – должен быть перенесен в институты и лаборатории. В этом пункте деятельность Научного отдела совпадает с деятельностью Отдела высшей школы. Необходимо создать ряд маленьких бюро и лабораторий при заводах и фабриках, наподобие германских, и сделать их доступными также и рабочим. Переворот, изменивший классовое соотношение, внушает уверенность, что пролетариат выдвинет новые силы. Переходя к созданию новых ученых заведений и реформы старых, необходимо изменить круг задач физической обсерватории, которая не отвечает своему назначению [...] Необходима централизация и созыв съезда из представителей метеорологических учреждений, который выделит Исполнительный комитет. Палата мер и весов также не отвечает потребностям времени; на обязанности ее лежит контроль измерительных приборов. Необходимо далее координировать деятельность всех музеев, работа которых не имеет общего плана. Для выработки этого плана надо созвать съезд. Академия наук, до сих пор бывшая центром чисто научных дисциплин, начинает объединять вокруг себя учреждения с техническим характером. В этом духе ее работа должна развиваться и дальше. Что касается новых начинаний, то Институт рентгенологии помимо чисто научного значения важен для медицины; в Москве будет

⁴⁵ Протокол 20-го заседания Государственной комиссии по просвещению от 14 мая 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 135. Л. 99 об.–100.

создано рентгенологическое бюро. План его уже разработан. Оно будет заниматься изучением лучей и заботиться об организации кабинетов для лечения раненых. Институт по изучению электрических волн также будет иметь практическое значение. В его создании заинтересован Комиссариат почт и телеграфов. Институт по изучению наилучшей постановки дела воздушного сообщения; проектируется создание Комиссии по изучению направления ветров. Институт физико-технический помимо ряда чисто научных задач будет производить работы над изменением физико-технических приборов, напр., термометра. Должны быть использованы все оставшиеся после войны предприятия физико-технического характера.

Помимо создания новых институтов предполагается организация ряда популярно-научных лекций.

В задачи Научного отдела входят также заботы о постановке научной кинематографии, о привлечении к этому делу научных и художественных сил; заботы об издании книг научного характера 3 категорий: 1) книг серьезных (ряд крупных ученых дали свое согласие участвовать в одном издательском предприятии, вошедшем в контакт с комиссариатом), 2) книг популярных и 3) совершенно популярных, доступных широким слоям ⁴⁶.

Многочисленные и плохо согласующиеся друг с другом предложения Тер-Оганезова породили немало дискуссий, и в первую очередь в самой Комиссии по просвещению. Сразу же после доклада Тер-Оганезову было высказано обвинение в том, что он вторгается в сферу компетенции других подразделений Наркомпроса. Так, заместитель Луначарского М. Н. Покровский отметил, что

программа его (Научного отдела. – *К. И.*) очень широка и покрывает задачи других отделов: так, подготовка ученых является функцией Отдела высшей школы, издательство – функцией Издательского отдела и т. д. Научному отделу целесообразнее сосредоточить свое внимание на научных учреждениях в собственном смысле слова, не преследующих никаких учебных целей ⁴⁷.

Член комиссии, директор Московской обсерватории П. К. Штернберг прямо назвал планы Тер-Оганезова утопией и порекомендовал в первую очередь подумать над тем, каким образом реформировать Академию наук ⁴⁸. Работа Тер-Оганезова была признана неудовлетворительной, и в помощь ему было рекомендовано «привлечь еще научную величину» ⁴⁹. Так в Научный отдел попал ученик Вернадского профессор Д. Н. Артемьев.

Этот пример еще раз показывает, что творчество в сфере организации науки происходило не на пустом месте. Спонтанные инициативы Тер-Оганезова, которые действительно было сложно уложить в какую-нибудь более или менее последовательную схему, с самого начала стали встречать сопротивление со стороны его же коллег по Наркомпросу, мыслящих более

⁴⁶ Протокол 15-го заседания Государственной комиссии по просвещению от 24 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 135. Л. 123–124.

⁴⁷ Там же. Л. 124 об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 125 об.

практично и способных более трезво оценивать свои перспективы. Тер-Оганезов – человек далекий от практики организации научной работы – мог ориентироваться только на общие идеологические предпосылки, усвоенные им из публичного обсуждения тех или иных научных инициатив. Он мог апеллировать к смутному тезису о «выявлении всех научных сил, таящихся в народе»⁵⁰, который хорошо согласовывался с азами идеологии марксизма, однако вряд ли он отчетливо представлял себе, какими должны быть шаги по практической реализации высказанных им проектов. Напротив, предложения большинства его старших коллег имели в своей основе не столько теорию марксистских преобразований, сколько практику административной борьбы, способную принести вполне ощутимые дивиденды – получить высокую должность, стать во главе крупного предприятия, создать условия для материального и кадрового обеспечения своей профессии, а иногда тривиальным образом воспользоваться служебным положением для личного обогащения.

Большинство революционных инициатив может быть осмыслено в логике действия старых схем. Революция осуществила операцию инверсии, временно поменяв местами доминирующих и находящихся на второстепенных ролях, однако логика самих схем осталась неизменной. Поэтому предложения Тер-Оганезова, нацеленные на разрушение всего существующего порядка организации научной работы, а вместе с тем на уничтожение выгод, которые этот порядок предоставлял (престиж, уважение, возможность использовать государственные ресурсы и т. д.) были неприемлемы не только для «старых» научных учреждений, но и для тех специалистов, которые благодаря сотрудничеству с большевиками получили перевес над своими более титулованными соперниками, имперский авторитет которых на какое-то время оказался обесцененным. Отсюда становятся понятны рекомендации, которые комиссия высказала Тер-Оганезову. Они вполне могут быть интерпретированы в рамках логики административной борьбы, свойственной, в том числе, дореволюционной бюрократии. Во всяком случае именно так выглядели, во-первых, попытка столкнуть Тер-Оганезова с самой мощной дореволюционной научной институцией – Академией наук, которая была ему очевидно не по зубам; и, во-вторых – ввести в состав руководимой им коллегии «опытного товарища», хорошо понимающего конъюнктурную логику административной борьбы в сфере организации научной работы.

Таким образом, Тер-Оганезов с самого начала своей служебной карьеры оказался в двойной изоляции: с одной стороны, от дореволюционных специалистов, противящихся революционным нововведениям; с другой, – от специалистов-новаторов, старающихся извлечь выгоды из сотрудничества с большевиками. Может быть поэтому он с таким рвением старался найти и сплотить коллективы любителей-энтузиастов, которые не имели возможности реализовать свои научные планы в дореволюционной России. Сложно не видеть связь этой усиленно подчеркиваемой дистанцированности от представителей научного истеблишмента со слабыми представительскими возможностями

⁵⁰ Там же. Л. 125.

самого Тер-Оганезова в авторитетных научных кругах. Аудитория, которую он пытался консолидировать вокруг себя, представляла собой разрозненных одиночек, рассеянных по любительским обществам, либо молодых и амбициозных представителей любительских коллективов, как, например, Ассоциация натуралистов, Коллектив наблюдателей и т. д. При этом особое внимание Тер-Оганезова привлекали лица, уже успевшие зарекомендовать себя в качестве компетентных специалистов, но еще не занявшие высоких постов в научной иерархии.

В мае 1918 г. Тер-Оганезов пишет письмо любителю астрономии А. А. Чикину, известному своими заслугами в любительском телескопостроении. Несмотря на риторику государственной пользы, которую использует Тер-Оганезов, текст письма выявляет откровенно завышенную заинтересованность молодого коммуниста в совершенно определенном контингенте специалистов – естествоиспытателях, «чуждых чиновного духа ученой касты». Приведем отрывок из этого письма:

Непомерно трудные задачи, которые, силою исторических событий, принуждена поставить перед собой Россия, требуют напряжения всех сил страны. Новые начинания, задуманные с той широтой, которые отвечают обширности самих задач, могут быть благополучно завершены, если каждая полезная сила, будет учтена и надлежащим образом использована.

Очень часто эти силы разобщены, рассеяны по всей России и, что хуже всего, лишены возможности оказать реальную помощь государству в наиболее выгодном для государства направлении. В этих случаях прямой задачей государства является мобилизовать эти силы, снабдить их всеми необходимыми средствами для наиболее рационального и плодотворного их использования.

Со всем вышесказанным Научный отдел Комиссариата народного просвещения обращается к Вам, имея в виду Вашу оцененную и продолжительную работу в области изготовления рефлекторов.

Будучи уверен в большом значении правильно поставленного дела изготовления таких типов рефлекторов, над которыми работали Вы, Научный отдел предлагает Вам поделиться своими соображениями по поводу затронутого здесь вопроса, имея в виду в ближайшем же будущем возможность практического проведения в жизнь тех целесообразных предложений, которые Вы не откажете нам сообщить ⁵¹.

Тер-Оганезов не получил ответа на это письмо. В момент его написания Чикин был еще любителем и занимал общественный пост товарища председателя Российского общества любителей миропведения. Однако вскоре он получил место научного сотрудника в Государственном оптическом институте, перейдя, таким образом, в число штатных научных работников, большинство которых настороженно относились к новаторским идеям молодых коммунистов. В числе аналогичных инициатив Тер-Оганезова можно перечислить его

⁵¹ Тер-Оганезов В. Т. Письмо А. А. Чикину от 22 мая 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 365. Л. 1–1 об.

попытки перевести в ведение Наркомпроса некоторые любительские обсерватории⁵², создать так называемую «Ассоциацию наук»⁵³ и т. д.

Новаторская позиция, занимаемая Тер-Оганезовым, притягивала к его ведомству коллективы, имевшие мало шансов на то, чтобы реализовать свои замыслы в традиционной научной системе. В феврале 1919 г. в НКП поступило положение об Ассоциации натуралистов с девизом «Освобождает гений» и эпиграфом к тексту – «Не боги горшки обжигают!». К положению прилагались эмблема и устав. На эмблеме было изображено ангело-подобное обнаженное существо, взмахивающее крыльями, но не могущее взлететь из-за опоясывающей его тяжелой цепи. Над «ангелом» на темном фоне сияла четырехконечная (в виде прямого креста) звезда. С обеих сторон от него стояли два обнаженных по пояс, квадратных и тяжеловесных молотобойца с поднятыми кулаками. В пояснительной записке к эмблеме говорилось:

Закандаленный, прикованный к скале (как Прометей), крылатый *гений*, рвущийся бесплодно в небесную высь, измученный, но *лучезарный*, освобождается *могучими молотобойцами*. Титанические, удары молота разбивают оковы, частью уже павшие (курсив в оригинале. – К. И.)⁵⁴.

Как следует из положения, в задачи ассоциации входило

профессиональное объединение российских и иноземных внекастовых натуралистов, чуждых чиновного духа ученой касты, и внекастовых естественно-научных организаций (обществ, кружков, лабораторий, опытных станций и пр.)⁵⁵.

В первые месяцы после революции подобное новаторство еще находило какую-то поддержку в руководстве Наркомпроса. Руководитель этого ведомства Луначарский называл Тер-Оганезова «очень уважаемым молодым коммунистом и астрономом»⁵⁶. Однако по мере роста числа «старых» научных специалистов в большевистских государственных инстанциях, авторитет новаторов становился все менее весомым. Штернберг, имевший долгий опыт работы в Московском университете, на обсуждении в Наркомпросе проекта

⁵² Тер-Оганезов В. Т. Письмо в Курский губернский комиссариат просвещения от 19 июля 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 288. Л. 5.

⁵³ Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки. М., 1973. С. 99–100; Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). М., 1980. С. 82.

⁵⁴ Положение об Ассоциации натуралистов // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 4. Д. 10. Л. 115 об. Как пишет А. Сиддики, «ассоциация, получившая поддержку в Наркомпросе, была расформирована в 1928 г. вместе с Главнаукой (стоявшей на стороне дореволюционных научных обществ), потерпевшей поражение в борьбе с научным отделом ВСНХ, придерживавшимся более практических взглядов на использование науки и техники» (Сиддики А. Наука за стенами академии: К. Э. Циолковский и его альтернативная сеть неформальной научной коммуникации // ВИАТ. 2005. № 4. С. 141).

⁵⁵ Положение об Ассоциации натуралистов... Л. 113.

⁵⁶ Бастракова. Становление советской системы организации науки... С. 99–100.

Ассоциации наук назвал его «утопией»⁵⁷. Работавший в отделе Тер-Оганезова и формально находящийся у него в подчинении бывший астроном Ташкентской обсерватории В. В. Стратонов не мог сдерживать иронии, рассказывая в своих воспоминаниях о подготовке доклада Тер-Оганезовым по случаю реформы Главной физической обсерватории:

По проекту Тер-Оганезова была составлена красиво раскрашенная диаграмма – советские деятели тогда очень увлекались графическим изображением своих проектов [...] На бумаге вышло красиво, краски были яркие, и начальство: коллегия Наркомпроса, непосредственное наше начальство пресловутый историк М. Н. Покровский, а также сам нарком Луначарский – все в этом деле полные профаны – предоставили Тер-Оганезову действовать в этом направлении⁵⁸.

Проект не получил развития. После создания ВСНХ, переговоров Луначарского с руководством Академии наук и личной поддержки академии В. И. Лениным проект «Ассоциации наук» был руководством Наркомпроса отклонен. После этого оппозиция по отношению к Тер-Оганезову стала еще более прочной.

Заключение

Изложенные выше примеры позволяют заключить, что, несмотря на популярность Научного отдела Наркомпроса среди молодых, только что возникших научных организаций, большинство «старых» научных учреждений, имевших прочные позиции при царском режиме, игнорировало проективную деятельность советских новаторов и не спешило отождествлять свои позиции с новыми социальными категориями, публично предлагаемыми НКП⁵⁹. В целом руководство научных учреждений предпочитало действовать по принципу «равенства авторитета». Например, несмотря на попытки НКП поставить бывшую Императорскую Академию наук в зависимость от своей проективной деятельности, представители этого солидного учреждения с самого начала были склонны к сотрудничеству с более высокими инстанциями, такими как Совет народных комиссаров вместе с его авторитетными представительствами – Советом труда и обороны и Верховным советом народного хозяйства. Аналогичным образом поступали коллективы ученых, ориентированных на сотрудничество с промышленными предприятиями. Богатые промышлен-

⁵⁷ Там же. С. 106. См. также оригинальный документ: Протокол 15-го заседания Государственной комиссии по просвещению от 24 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 135. Л. 124 об.

⁵⁸ Стратонов. По волнам жизни. Ч. III... С. 180.

⁵⁹ На заседании упоминаемой выше комиссии по просвещению, в частности, говорилось, что «ряд ведомств, заинтересованных в научной разработке некоторых вопросов, создали с этой целью различные учреждения: советы, бюро и т. д. Тип и уровень этих учреждений весьма различны: одни обставлены великолепно, другие отстают в работе. Замечается полная несогласованность их действий и часто различные комиссариаты предпринимают аналогичные начинания» (Протокол 17-го заседания Государственной комиссии по просвещению от 30 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 135. Л. 113 об.).

ные министерства (комиссариаты) были для них более привлекательны, чем «советизированное» руководство НКП с довольно слабыми финансовыми и административными возможностями. Другими словами, большинство научных организаций, обладавших до революции солидным административным весом, предпочитали действовать через патронаж и лоббирование, заключая соглашения, касающиеся организации советской науки, в тени министерских кабинетов⁶⁰.

Поэтому реальная политическая траектория НКП стала выстраиваться совсем не так, как первоначально планировали его руководители. С одной стороны, другие комиссариаты, так или иначе заинтересованные в обладании собственными исследовательскими институтами, отнюдь не желали распространять на них правила, разработанные в Наркомпросе; с другой – негласные представления об иерархии, сохранившиеся в авторитетных дореволюционных научных и учебных учреждениях, приводили к тому, что НКП отводилось место бывшего Министерства просвещения и на нем отрабатывались стандартные приемы административного дистанцирования. Параллельно старые научные организации, заручившиеся поддержкой советских чиновников, стали восстанавливать свой дореволюционный авторитет, внося разногласие в ряды самого Наркомпроса. Одна его часть, настроенная на радикальные реформы, вела «революционную борьбу» со старыми специалистами, другая – старалась лоббировать интересы подведомственных им научных организаций. В результате новобранцы НКП, имевшие малый опыт рутинной административной работы, вынуждены были сражаться сразу на двух фронтах – соперничать с другими советскими комиссариатами и бороться со «старорежимными» царскими организациями.

В целом потребовалось совсем немного времени для того, чтобы старые организации преодолели административный коллапс и восстановили дореволюционные схемы обеспечения своих интересов. Исходя из этого было бы правильнее понимать переворот 1917 г. не столько как решительную перемену социального порядка, сколько как кратковременный сбой в схемах воспроизводства прежних административных отношений. Революция на какое-то время уравнила в статусе все научные коллективы – как старые, так и только что созданные. Это поставило авторитетные дореволюционные организации в отношения конкуренции с молодыми научными коллективами и осложнило борьбу тех и других за представительство в высоких административных инстанциях. Однако после того как и те, и другие нашли свои пути воздействия на советское руководство, фракционированные комиссариаты стали воспроизводить социальные оппозиции, свойственные дореволюционному времени⁶¹. Партия большевиков перестала быть монолитным объединением, сплоченным жесткой подпольной дисциплиной. Втянувшись в государственное строительство и унаследовав застарелые ведомственные конфликты, со-

⁶⁰ См. некоторые интересные примеры в книге: *Krementsov. Stalinist Science...*

⁶¹ См. анализ нескольких интересных сюжетов в работе: *Kojevnikov, A. The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science // Science in Context. 2002. Vol. 15(2). P. 239–275.*

ветское правительство очень быстро обросло межведомственными неурядицами, а точнее, вновь воспроизвело их. Поэтому, несмотря на радикальность некоторых политических шагов, сделанных большевиками, можно видеть отчетливую преемственность в действиях, предпринимаемых царскими чиновниками и советскими государственными деятелями ⁶².

⁶² Незначительность изменений, произведенных революцией, отмечалась и многими современниками. Так, адвокат Николай Муравьев, в силу своих профессиональных обязанностей тесно связанный с «рутиной дня», отмечал, что «во взглядах людей, считающих “структуру советской власти” и “систему пролетарского государства” какими-то совершенно особыми структурой и системой, суть много преувеличенного» (цит. по: *Макаров В. Г., Христофоров В. С.* Предисловие // *Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923.* М., 2005. С. 29). Характерна также запись в дневнике Вернадского после разговора с Д. И. Шаховским в 1921 г. о том, что необходимо иметь хотя бы ясную программу будущего, «раз мы чувствуем, что ничего прочного теперешний режим не представляет» (*Вернадский В. И.* Дневники. Март 1921 – август 1925. 2-е изд. М., 1999. С. 15).